Годъ 5-й. Кн. XVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1893, № 2.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ 1893

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.

1893.

САХАЛИНСКІЕ ГИЛЯКИ.

Замѣтки изъ личныхъ наблюденій.

I. Происхожденіе гиляковъ и черты ихъ внѣшняго быта.

Подобно аиносамъ, на языкѣ которыхъ слово „аинос“ означаетъ „человѣкъ“, и сахалинскіе гиляки зовутъ себя „нивух“, что значитъ: человѣкъ, хозяинъ, гилякъ [1]). Обычное ихъ названіе „гиляки“ образовалось, какъ мнѣ думается, отъ искаженія путешественниками слова „килэ“, означающаго „тунгусъ“ на языкѣ амурскихъ гиляковъ, съ которыми путешественники впервые столкнулись. И такое искаженіе могло явиться весьма легко благодаря тому, что гиляки нижняго теченія Амура говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и тунгусы, которые, по ихъ преданіямъ, составляютъ одинъ „народъ“ съ гиляками, гольдами и орочонами. Весьма возможно также, что, благодаря общности языка амурскихъ гиляковъ и тунгусовъ, господствовавшіе прежде въ Амурскомъ краѣ манджуры называли гиляковъ и тунгусовъ однимъ общимъ именемъ „килэ“. Но любопытно и вмѣстѣ съ тѣмъ характерно, какъ легко возникаетъ даже между первобытными народами національная рознь: тунгусы съ негодованіемъ и гордымъ презрѣніемъ отвергаютъ свое родство не только съ гилякамн, но и съ орочонами, говоря: „мы люди государскіе, крещеные, а гиляки и орочоны собаку кушаютъ!“

Гиляки сами причисляютъ себя къ монголо-манджурскому племени, утверждая, что гиляки и манджуры—„халь-няхр“ („халь“—родъ, народъ, племя, „няхр“—одинъ). Народами родственными гиляки считаютъ также китайцевъ и японцевъ, говоря, что манджуръ—„ытк-утгу“ (отецъ, родоначальникъ, мужчина), а японецъ—„ытк-умгу“

---

[1]) Амурскіе гиляки зовутъ себя „явесе“.

(родоначальница, женщина), — утвержденіе, которое станетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія. Сахалинскіе гиляки говорятъ языкомъ, общимъ съ языкомъ гиляковъ, живущихъ у устья Амура и по материковому побережью Татарскаго пролива, но совершенно отличнымъ отъ языка нижне-амурскихъ гиляковъ и тунгусовъ.

Что касается вопроса о появленіи гиляковъ на Сахалинѣ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они—пришельцы съ материка. Матеріалы переписи 1891 г., наблюденія и бесѣды съ гиляками одинаково подтверждаютъ въ этомъ случаѣ заключеніе, которое можно было бы сдѣлать a priori. Перепись прежде всего доказала, что заселеніе острова гиляками шло отъ сѣвера къ югу. Предки гиляковъ сел. Тыки, напр., пришли изъ сел. Ныуръ, самаго сѣвернаго селенія западнаго берега Сахалина. Изъ двухъ главенствующихъ родовъ въ сел. Аркый-во одинъ происходитъ изъ сел. Няни-во (на сѣв. Сахалина), другой изъ сел. Танги, жители котораго, въ свою очередь, принадлежатъ къ старинному роду сел. Чомы (на материкѣ) и т. д. Перепись далѣе доказала, что каждый родъ сахалинскихъ гиляковъ—только вѣтвь рода, живущаго по материковому побережью. Наконецъ, языкъ, религіозныя представленія, обычаи и нравы сахалинскихъ гиляковъ тождественны съ таковыми же у гиляковъ материковаго побережья.

Даже самую форму переселенія не трудно возсоздать себѣ воображеніемъ. Еще и до сихъ поръ амурскіе гиляки имѣютъ обыкновеніе отправляться каждою осенью на своихъ тяжелоходныхъ лодкахъ на Сахалинъ съ цѣлью промышлять соболя. Одни идутъ въ Агне-во, другіе въ Мауко, третьи еще далѣе на югъ. На ихъ родинѣ соболь несравненно лучше сахалинскаго, но онъ такъ рѣдокъ, а охотниковъ на него такъ много, что гиляки предпочитаютъ покидать свои родные очаги на цѣлыхъ полгода, подвергаться всѣмъ опасностямъ 1000-верстнаго морского путешествія, стремясь къ тѣмъ соблазнительнымъ уголкамъ, гдѣ населенія мало, а соболей можно бить сотнями. Ранней весной, нагруженные богатой добычей, они возвращаются къ своимъ далекимъ очагамъ. Эти экскурсіи на югъ Сахалина сравнительно недавняго происхожденія. Еще сто лѣтъ тому назадъ предки нынѣшнихъ искателей соболя не ходили дальше Дуэ и рѣчки Тыми, и самымъ сѣвернымъ пунктомъ ихъ промысловъ была въ то время рѣчка Ваазъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что еще давнѣе экскурсіи за соболемъ

направлялись еще дальше къ сѣверу. Должна же была существовать причина, которая заставила амурскихъ гиляковъ удаляться все дальше отъ своей родины и передвинуть, наконецъ, арену своихъ промысловъ на самый югъ Сахалина, гдѣ соболь совсѣмъ плохой и гдѣ предки ихъ вынуждены были купить у аиновъ тѣ охотническія территоріи, которыми они нынѣ пользуются. Этому причиной послужило постепенное заселеніе сѣвернаго Сахалина гиляками съ материковаго побережья. Первоначально предки нынѣшнихъ сахалинскихъ гиляковъ отправлялись компаніями сородичей на Сахалинъ, подобно амурскимъ гилякамъ въ настоящее время, только на сезонъ для ловли соболей. Здѣсь они дѣлали свои многочисленныя западни по берегамъ какой-нибудь рѣчки и ставили свои петли по натуральнымъ запрудамъ, служившимъ переходами для соболей съ одного берега рѣчки на другой. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ концѣ концовъ ежегодное хожденіе въ одинъ и тотъ же пунктъ на охоту заканчивалось переселеніемъ навсегда на богатый соболемъ островъ.

Сѣверный Сахалинъ (замѣчательно, что только сѣверную часть острова гилякъ зоветъ Сахалиномъ, что опять-таки служитъ доказательствомъ, откуда и по какому направленію шло заселеніе Сахалина) былъ особенно благопріятенъ для переселенія. Прежде всего это были ближайшіе къ материку пункты: полдня—день переѣзда между обоими берегами пролива. Далѣе гиляки материковаго побережья нашли на сѣверномъ Сахалинѣ, сверхъ обилія соболя, всѣ прочія условія жизни, совершенно тождественныя съ таковыми же на материкѣ: то-же обиліе и богатство породъ рыбы (кэта, калуга, сигъ, сазанъ и проч.), обиліе нерпъ и дельфиновъ. Только гилякамъ амурскимъ не было разсчета покинуть берега незамѣнимаго для нихъ Амура. Они не могутъ рѣшиться на это даже и теперь, тѣснимые русскими поселенцами въ ихъ рыбныхъ и лѣсныхъ угодьяхъ, вынужденные выносить на своихъ плечахъ всю тягость безвозмездной подводной повинности по Амуру. Конечно, были еще и другія причины, которыя побуждали материковыхъ гиляковъ выселяться на Сахалинъ, какъ тѣснота народонаселенія, столкновенія между родами и пр. Одной изъ этихъ причинъ могло служить манджурское господство съ обязательной ежегодной данью, въ видѣ соболя съ души (нужно принять во вниманіе, что прежде соболь вообще былъ въ 3—4 раза дороже нынѣшняго, а амурскій соболь и теперь

крайне дорогъ; одинъ сортъ, напр., ангунскій стоитъ 25—30 р.). Интересны преданія самихъ гиляковъ объ отношеніяхъ ихъ къ манджурамъ въ прежнее время: „мы были поселены,“—говорили мнѣ амурскіе гиляки,—„на берегахъ Амура манджурами, какъ *вольные* люди со званіемъ „охотниковъ“, и мы были обязаны платить имъ ежегодно по соболю съ человѣка. Сверхъ того, всякій разъ, какъ гилякъ пріѣзжалъ въ китайскій городъ Сунгари (Сайсингъ), онъ обязанъ былъ платить соболя, а старосты селеній по 3 соболя. Въ такомъ же положеніи были и орочоны. Манджурскіе чиновники вели списки населенія и ежегодно лѣтомъ они пріѣзжали собирать соболиную дань. Сахалинскіе гиляки были свободны отъ этой дани, но манджуры проникли, наконецъ, и къ нимъ, назначили имъ выборныхъ старостъ. Такой староста былъ, напр., въ Тангахъ. Отъ манджуровъ именно гиляки получили всѣ тѣ предметы, которыхъ сами производить не умѣли.

Не буду входить пока въ разрѣшеніе вопроса о давности пребыванія гиляковъ на островѣ, скажу только, что въ моментъ ихъ появленія они обязательно должны были обладать всѣмъ тѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ, какимъ они обладаютъ въ настоящее время (исключая, конечно, огнестрѣльнаго оружія). Ясно безъ комментаріевъ, что безъ нарты и лодки, безъ прирученныхъ нартовыхъ собакъ, безъ желѣзныхъ орудій и пр. гилякъ не могъ существовать на Сахалинѣ. Свои первыя культурныя произведенія онъ могъ сдѣлать въ мѣстахъ особенно благопріятныхъ, по крайней мѣрѣ, въ рыболовномъ отношеніи. Быть можетъ, такою колыбелью и была рѣка Амуръ.

Сахалинскіе гиляки, какъ ихъ собратья на материкѣ, многое и весьма существенное переняли у своихъ цивилизованныхъ собратій. Они замѣнили лукъ ружьемъ, свою деревянную и берестовую посуду—металлическими котлами. Они куютъ желѣзо, искусно работаютъ плотничными и столярными инструментами. Они строятъ юрты по манджурскому типу, дѣлаютъ печи и огромныя трубы изъ камня. Они владѣютъ японскими саблями и хранятъ дорогія копья, украшенныя серебряной рѣзьбой. Они носятъ халаты и рубашки изъ китайской и русской матеріи. Они пьютъ чай и варятъ рисъ и буду (особый сортъ крупы). Они, наконецъ, уже стали сажать картофель. Въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, они совершенно усвоятъ культуру своихъ цивилизованныхъ

сосѣдей. Но на чемъ они остановились въ своемъ самостоятельномъ культурномъ развитіи?

Изъ всѣхъ заимствованій, сдѣланныхъ гиляками, самое серіозное и самое давнее, повидимому, есть употребленіе желѣза. И тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе отдаленности ихъ отъ центровъ цивилизаціи, оно привилось у нихъ въ очень ограниченной формѣ. Они не только не умѣютъ обрабатыватъ руды, но не умѣютъ выдѣлывать даже инструментовъ. Самое желѣзо у нихъ еще недавно было крайне дорого. Въ ихъ лодкѣ и нартѣ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, хотя сами гиляки объясняютъ это другой причиной, чѣмъ недостаткомъ желѣза. Еще поколѣніе тому назадъ огниво было драгоцѣнностью, и цѣлый родъ, случалось, владѣлъ однимъ общимъ родовымъ огнивомъ. Еще и до сихъ поръ самымъ священнымъ способомъ добыванія огня считается треніе дерева о дерево,—способъ, употребляемый при сожженіи покойниковъ. Всѣ прочія заимствованія въ такой же мѣрѣ можно поставить гиляку въ заслугу, какъ турку дальнобойное англійское ружье, но по своимъ послѣдствіямъ эти заимствованія неразрывно связали гиляка съ культурой... Но вернемся къ тому, на чемъ остановилась ихъ цивилизація.

Еще и до сихъ поръ основной пищей гиляка служатъ готовые продукты природы—рыба, дичь, ягоды, коренья; онъ еще не умѣетъ приспособлять природу и споспѣшествовать ей въ созданіи пищевыхъ веществъ. Онъ не садитъ и не сѣетъ, не разводитъ домашнихъ животныхъ для мяса. Это—основная черта дикаго состоянія. Далѣе, традиціи гиляковъ о томъ, что были времена, когда воду кипятили въ корытахъ посредствомъ раскаленныхъ камней, воспоминанія о деревянной посудѣ, обмазанной глиной, и отсутствіе всякихъ воспоминаній о глиняной посудѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что гиляки никогда и не были знакомы съ гончарнымъ искусствомъ даже въ элементарной формѣ. Это опять-таки—черта состоянія дикарей. На ряду съ этимъ имѣемъ другой фактъ—приручені собакъ для нартовой ѣзды,—черта, которая поднимаетъ ихъ на одну ступень, на первую ступень варваризма (употребляя терминологію авторитетнаго писателя Моргана). Но самымъ характернымъ фактомъ въ вопросѣ о культурномъ уровнѣ самостоятельнаго развитія гиляковъ, фактомъ, рѣшающимъ и дающимъ возможность для широкихъ этнографическихъ сближеній,

служатъ ихъ семейно-родовыя учрежденія, детально мною изученныя.

II. Семейно-родовыя отношенія.

Наблюдая семью у гиляковъ, мы сначала не замѣчаемъ въ ней ничего особеннаго. Какъ у многихъ другихъ инородцевъ нашихъ, гиляки покупаютъ себѣ одну, двѣ, ранѣе три жены, которыя являются общественно-признанными его женами, равно какъ и дѣти его, работающія вмѣстѣ съ нимъ, содержимыя имъ и къ которымъ переходитъ имущество его послѣ смерти. Супружеская вѣрность жены охраняется, какъ это увидимъ ниже, вооруженной рукой. Словомъ, форма брака совершенно, повидимому, индивидуальная. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ внутреннимъ строемъ жизни гиляковъ, мы натыкаемся на цѣлый рядъ явленій, которые стоятъ въ противорѣчіи съ этой формой брака. Прежде всего бросается въ глаза, что гилякъ зоветъ отцомъ (ыте) не только своего общественно-признаннаго отца (родного), но и всѣхъ братьевъ своего отца, не только родныхъ, т.-е. 1-й степени родства, но и всѣхъ самыхъ отдаленныхъ степеней, а женъ этихъ братьевъ своего отца онъ зоветъ, какъ и свою родимую мать—матерями (ымк). Равнымъ образомъ гилякъ зоветъ матерью (ымк) всѣхъ сестеръ своей матери, а ихъ мужей—отцами (ытк). Дѣти братьевъ, равно какъ и дѣти сестеръ, всѣхъ степеней родства — зовутъ другъ друга „руер“ (=братъ и также соотвѣтствуетъ нѣмецкому слову Geschwister=братья и сестры). Такимъ образомъ получается странное на нашъ взглядъ явленіе, что человѣкъ можетъ имѣть огромное число отцовъ и матерей, ужъ не говоря о братьяхъ и сестрахъ, и часто такіе отцы и матери бываютъ моложе своихъ дѣтей. Но въ то же время сестеръ своего отца и братьевъ своей матери гилякъ ужъ не зоветъ „ытк“ и „ымк“, а „едр“ и „опп“.

Для другихъ формъ родственныхъ отношеній у гиляковъ существуетъ цѣлая серія названій, доказывающая, что не бѣдность языка послужила причиной странной для насъ родственной терминологіи. Такая же терминологія существуетъ у ирокезовъ и другихъ индійскихъ племенъ Сѣверной Америки, равно какъ и у нѣкоторыхъ племенъ въ Индіи, но у нихъ она давно уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; у гиляковъ же эта терминологія хотя не вполнѣ уже соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но только

не вполнѣ. И теперь каждый гилякъ имѣетъ супружескія права (не считается грѣхомъ) на женъ своихъ братьевъ всѣхъ степеней родства и на сестеръ своей жены. Этого права лишенъ только старшій братъ относительно женъ своихъ младшихъ братьевъ. Это ограниченіе—новѣйшаго происхожденія, и самое существованіе его какъ бы подчеркиваетъ законность коллективныхъ супружескихъ правъ младшихъ братьевъ на женъ своихъ старшихъ братьевъ и на всѣхъ сестеръ своей жены. Этими правами не всегда уже и теперь пользуются гиляки, и не безъ неудовольствія и даже насильственныхъ протестовъ смотрятъ во многихъ случаяхъ на отправленіе этихъ правъ заинтересованныя лица, какъ это увидимъ впослѣдствіи; но юридически, такъ сказать, они существуютъ, отправленіе этихъ правъ не считается прелюбодѣяніемъ, ненаказуемо, даже совершается часто открыто съ согласія братьевъ и мужей сестеръ жены. Такимъ образомъ современная индивидуальная форма брака у гиляковъ является новообразованіемъ, и крупныя переживанія стараго строя родового брака, сохранившіяся до сихъ поръ, сближаютъ ее и съ знаменитой, такъ называемой „Punulua—family“, существовавшей еще въ первой половинѣ нашего столѣтія на Сандвичевыхъ островахъ (Гаваи), гдѣ такія же, какъ у гиляковъ, взаимныя права на женъ своихъ братьевъ и сестеръ своей жены существовали безъ ограниченія. И что еще болѣе удивительно: точно также, какъ въ Punulua-family мужья сестеръ и жены братьевъ называли другъ друга punulua (компаніонъ, половинщикъ, товарищъ, другъ)—слово, давшее названіе самому учрежденію, такъ и у гиляковъ эти категоріи лицъ называютъ другъ друга „навх“ (слово, означающее буквально то-же, что у сандвичанъ punulua). До такой степени поразительно сходны бываютъ даже до мелочей первобытныя учрежденія народовъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ свѣта, отдѣленныхъ другъ отъ друга океанами.

Эта форма семейно-родственныхъ отношеній лежитъ въ основаніи общественной организаціи гиляковъ, въ основаніи ихъ родового устройства („халь“—родъ, также сородичи).

Изъ того, что говорилось о первобытной семьѣ гиляковъ, само собою вытекаетъ, изъ кого составляется ихъ родъ. Всѣ братья (всѣхъ степеней родства) отца какого-нибудь гиляка NN—суть его отцы (ытк), ихъ отцы—его дѣды (ате), ихъ дѣти—его братья (руэр), ихъ внуки—его дѣти (ола) и взаимно. Вотъ эта-то

огромная семья дѣдовъ, отцовъ, дѣтей, братьевъ и сестеръ и составляетъ родъ гиляка. Понятно, что такимъ образомъ составляющійся родъ можетъ насчитывать въ своей средѣ огромное число человѣкъ. Въ одномъ родѣ, живущемъ на сѣверномъ Сахалинѣ, я насчиталъ 150 человѣкъ, а между тѣмъ онъ—только вѣтвь рода, живущаго на материкѣ.

Но родъ гиляковъ организуется на мужскомъ началѣ. Хотя дѣти сестры жены NN—его дѣти (ола) и они считаются братьями его собственныхъ дѣтей, но если эти сестры жены замужемъ за гиляками другого халя, то они, т.-е. дѣти этихъ сестеръ, будутъ чужіе по отношенію къ роду NN. Равнымъ образомъ только жены сородичей и ихъ незамужнія дочери принадлежатъ къ роду, и, наоборотъ, вышедши замужъ, женщина переходитъ въ родъ мужа, хотя расторженіе брака приводитъ ее опять въ родъ отца. Вотъ начала, которыми регулируется жизнь рода:

1. Въ родѣ есть только четыре степени родства: дѣдъ и бабка (атк и ытик), отцы и матери (ытк и ымк), братья и сестры (руэр) и дѣти (ола). Сородичи зовутъ другъ друга, въ отличіе отъ чужеродныхъ, „халь“. Для отличія родныхъ братьевъ отъ родныхъ 1-й степени родства прибавляютъ слово *халь*, такъ что братья по роду—халь-руэр, родовые отцы—халь-ытк и т. д. Старшій въ родѣ, о роли котораго буду говорить ниже, называется „халь-геймар“. Сородичи въ качествѣ общественной единицы, судящей и дѣйствующей, носятъ названіе „халь-нивух“.

2. Бракъ внутри рода безусловно запрещенъ. Это—основной и ненарушимый принципъ рода. Какъ ни широки супружескія права гиляковъ на женщинъ упомянутыхъ категорій, какъ ни широки взгляды гиляковъ на отношенія мужчинъ къ женщинамъ вообще („любовь все прощаетъ“), но внутри рода не только бракъ, но и прелюбодѣяніе не встрѣчается даже по исключенію.

3. Жена умершаго гиляка переходитъ по рѣшенію рода къ одному изъ руэровъ покойнаго, обыкновенно младшихъ его; если даже она достанется руэру, который старше покойнаго, то онъ обязанъ содержать ее, хотя не можетъ жить съ ней, какъ съ женой. Но никакимъ образомъ жена умершаго гиляка не можетъ переходить къ лицамъ восходящихъ и нисходящихъ линій родства съ покойнымъ, т. е. къ его халь-ытк'амъ, атк'амъ оля'мъ,. И вообще, какъ общее правило, всякая женщина, жившая въ ка-

чествѣ жены (фактически) съ кѣмъ-нибудь, ни при какихъ условіяхъ не можетъ принадлежать кому-нибудь изъ восходящихъ и нисходящихъ линій родства съ первымъ ея мужемъ. И это правило соблюдается такъ же строго, какъ и запрещеніе внутренняго брака. Понятно, поэтому, что на многіе браки, заключенные у насъ между близкими родственниками, гилякъ смотритъ, какъ на кровосмѣшеніе. Отсюда вытекаетъ крайняя необходимость для гиляка знать всѣхъ своихъ сородичей, которые часто бываютъ очень многочисленны и, вдобавокъ, разбросаны въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ гиляцкой осѣдлости. Это-то знаніе своего рода составляетъ одинъ изъ элементовъ умственнаго воспитанія гиляка. Отъ отца къ сыну переходитъ это знаніе, обновляется жизнью и составляетъ достояніе всего рода. Въ сомнительныхъ случаяхъ родства вопросы рѣшаются старшими въ родѣ.

4. Халь содержитъ всѣхъ стариковъ, больныхъ, неспособныхъ къ труду и прочихъ безпомощныхъ лицъ. Обыкновенно это выполняется ближайшими родственниками, но, за неимѣніемъ таковыхъ, содержитъ такое лицо та юрта халя, гдѣ лицо это желаетъ поселиться. „У насъ нѣтъ нищихъ“,—говорилъ мнѣ одинъ гилякъ: „если кто бѣденъ, кормитъ его халь“.

5. Члены рода связаны общими жертвоприношеніями и праздествами. Всѣмъ извѣстный „праздникъ медвѣдя“ совершается не отдѣльнымъ селеніемъ, а родомъ, хотя къ участію въ немъ приглашаются гости изъ другихъ родовъ. Покупаетъ медвѣдя кто-нибудь одинъ изъ рода, но всѣ расходы по празднику покрываются сородичами. А расходы эти доходятъ иногда до нѣсколькихъ сотъ рублей. Съѣзжаются со всѣхъ сторонъ сородичи и масса спеціально приглашенныхъ гостей чужеродныхъ, которыхъ надо угощать и кормить въ теченіе многихъ дней, и не только ихъ самихъ, но и ихъ многочисленныхъ собакъ, пожирающихъ за время праздника много тысячъ корму. Совершенно неосновательно мнѣніе, что праздникъ медвѣдя носитъ религіозный характеръ, или что медвѣдь считается гиляками божественнымъ или духомъ. Праздникъ медвѣдя—чисто родовой. Естественно, что были времена, когда удачное нападеніе на медвѣдя,—нападеніе, совершавшеся по тѣмъ временамъ коллективно, цѣлымъ родомъ,—бывало истиннымъ торжествомъ для рода, который за общей трапезой пожиралъ огромнаго звѣря. Такъ какъ нападенія на медвѣдя удоб-

нѣе всего было дѣлать зимою, когда спящаго звѣря захватывали въ его берлогѣ, то увѣковѣчился обычай отправлять этотъ праздникъ зимою. Практика столѣтій выработала цѣлый ритуалъ праздника, который, какъ все старое, принимаетъ въ глазахъ варвара характеръ чего-то священнаго и ненарушимаго. Всѣ жертвоприношенія на праздникѣ относятся не къ медвѣдю, а къ богу тайги, хозяину медвѣдя—„Паль-нивух'у“. Понятно также, что и самъ медвѣдь получилъ почетное значеніе: его мясо не можетъ быть брошено собакамъ, его нельзя ѣсть съ приправами и т. д. Самъ Паль-нивухъ отомститъ за такія оскорбленія, приказавъ другимъ медвѣдямъ кусаться особенно больно. Итакъ, праздникъ медвѣдя—праздникъ родовой, и на этомъ основаніи женщины, какъ перемѣнный элементъ рода, не присутствуютъ при убіеніи медвѣдя, хотя участвуютъ въ поѣданіи его. Огонь въ той печкѣ, въ которой варится мясо медвѣдя, разводится не иначе, какъ родовымъ огнивомъ. Съ этимъ огнивомъ у гиляковъ связанъ трогательный обычай. Когда родъ раздѣляется и часть его выселяется въ другое мѣсто, старшій въ родѣ (халь-геймар) отламываетъ половину огнива и вручаетъ старѣйшему изъ отъѣзжающихъ. Этимъ огнивомъ переселенцы зажгутъ на новомъ очагѣ огонь на праздникѣ медвѣдя; оно же будетъ передаваться изъ рода въ родъ для той же цѣли. Отсюда выраженіе „ломать огонь“ стало означать разселеніе рода. Этотъ обычай напоминаетъ намъ Грецію, гдѣ покидавшіе родину для основанія новыхъ колоній имѣли обыкновеніе брать съ собою священный огонь родового алтаря.

Другой родовой праздникъ совершается весной предъ ловлей нерпы. И на этотъ разъ расходы на угощеніе принимаетъ на себя родъ. Съ наступленіемъ вечера, съ восходомъ луны, все мужское населеніе рода (и въ этомъ случаѣ женщины исключаются) выходитъ на берегъ моря. Сюда выносятъ въ длинныхъ корытахъ всѣ тѣ изысканныя яства, которыя, тщательно приготовленныя, оставались нетронутыми до момента жертвоприношенія. Тогда всѣ присутствующіе садятся на корточки и бросаютъ въ море, какъ жертву божеству, по пригоршнѣ изъ каждаго корыта, произнося при этомъ обычную формулу молитвы: „Кур ніонгу-хіа!“ („Боже, пожалуйста!“), затѣмъ собираются въ одну юрту, гдѣ начинается угощеніе, въ которомъ принимаютъ участіе и женщины.

5. Халь гарантируетъ жизнь и безопасность каждаго изъ сво-

ихъ членовъ отъ покушенія на него лицъ другого халя. Средствомъ служитъ родовая месть.

Водвореніе русскихъ въ краѣ, правда, значительно ослабило дѣйствіе этого института, но не уничтожило его. Всякое убійство, намѣренное или не намѣренное, влечетъ за собою родовую месть. Ближайшій сородичъ убитаго,—отецъ, сынъ или братъ его, а за неимѣніемъ ихъ другіе сородичи,—долженъ, употребляя образное выраженіе гиляковъ, „поднять родныя кости“ (ныньво йозынедж), т.-е. убить убійцу или, по крайней мѣрѣ, кого-нибудь изъ его халя мужескаго пола. И ярость мести такъ велика, что не щадятся даже новорожденныя дѣти. Мнѣ приходилось слышать, что несчастныя матери такихъ дѣтей изъ страха предъ мстителемъ не отступаютъ ни передъ какими средствами, чтобы замаскировать полъ новорожденнаго. Изъ дѣйствія мести исключаются только женщины. Понятно, что съ перваго же момента убійства начинается мучительная, тягостная пора для обоихъ родовъ. Родъ убійцы живетъ подъ настоящимъ Дамокловымъ мечемъ, ожидая удара изъ-за всякаго угла, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ. Родъ убитаго лихорадочно выслѣживаетъ свою жертву, которая на-сторожѣ и, во всякомъ случаѣ, не намѣрена дешево отдать свою жизнь. Въ то-же время съ первыхъ же моментовъ послѣ рокового убійства родъ убійцы посылаетъ какое-нибудь лицо нейтральнаго халя (непремѣнно нейтральнаго: сородича убьютъ) къ роду убитаго съ извиненіями и предложеніемъ выкупа. Но не всегда и, во всякомъ случаѣ, не скоро получается согласіе; иногда проходятъ годы, пока, утомившись безуспѣшнымъ преслѣдованіемъ, родъ мстителя соглашается на примиреніе.

Опишу одинъ изъ многихъ варіантовъ процедуры примиренія и выкупа. Каждый изъ враждующихъ родовъ выбираетъ себѣ изъ какого-нибудь нейтральнаго халя умнаго и краснорѣчиваго человѣка („хлай-нивух'а“—буквально: оратора,—отъ глагола „хлайндж“—говорить и существительнаго „нивух“—человѣка). Эти послѣдніе будутъ посредниками между сторонами. Каждый родъ снабжаетъ своего хлай-нивуха шелковымъ халатомъ, такой же шапкой, лукомъ, стрѣлами, копьемъ, иногда и японской саблей. Это оффиціальная, такъ сказать, форма посредниковъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день вооруженная депутація халь-нивуховъ (сородичей), съ мстителемъ и хлай-нивухомъ во главѣ, появляется вблизи враждующаго се

ленія. Тутъ, гдѣ-нибудь въ ближайшей тайгѣ или на берегу рѣчки пришельцы разложатъ огонь, располагаясь, такъ сказать, лагеремъ. Отсюда-то и отправляется хлай-нивухъ мстителей въ селеніе убійцы, гдѣ въ одной изъ юртъ собравшіеся сородичи его (халь-нивухи), со своимъ ораторомъ во главѣ, ожидаютъ посла. Послѣдній, усѣвшись и закуривъ трубку (непремѣнно своимъ собственнымъ огнемъ), начинаетъ излагать требованія выкупа. Роль хлай-нивуха въ томъ и состоитъ, чтобы выговорить какъ можно больше. Сородичи убіицы отвѣчаютъ извиненіями и просьбой объ уменьшеніи условій выкупа. Но хлай-нивухъ мстителей, упорно стоя на своемъ, гнѣвно удаляется. Вслѣдъ за нимъ идетъ хлай-нивухъ убійцы, пытаясь вступить въ переговоры со своимъ собратомъ по оружію. Не разъ оба дипломата усаживаются на землю, закуриваютъ свои трубки каждый своимъ огнивомъ, пока, наконецъ, не достигаютъ лагеря мстителей, гдѣ переговоры продолжаются. Случается, что въ теченіе 2—3 дней хлай-нивухи снуютъ такимъ образомъ изъ одного лагеря въ другой. Наконецъ, соглашеніе достигнуто. Вотъ компанія мстителей начинаетъ приближаться къ селенію, а имъ навстрѣчу идутъ сородичи убійцы, и обѣ стороны, наконецъ, останавливаются другъ передъ другомъ на разстояніи выстрѣла изъ лука. Впереди, съ одной стороны, сопровождаемый своимъ хлай-нивухомъ въ парадной формѣ, выступаетъ мститель съ копьемъ и натянутымъ лукомъ, съ другой — убійца тоже съ натянутымъ лукомъ, рядомъ со своимъ хлай-нивухомъ. Лукъ каждаго противника направленъ прямо въ сердце врага... Секундная вспышка—и кровь можетъ пролиться. Но хлай-нивухи строго удерживаютъ противниковъ, твердя имъ про миръ и забвеніе. И это не обрядъ только, ибо бывали случаи, когда въ эту минуту мститель закипалъ гнѣвомъ и убивалъ противника на мѣстѣ. Тогда противники одновременно бросаютъ оружіе, бѣгутъ другъ къ другу на-встрѣчу и кидаются въ объятія. Примиреніе состоялось, и сородичи мстителя вмѣстѣ съ послѣднимъ мирно входятъ въ юрту убійцы, гдѣ передъ нарами разставлены договоренныя вещи выкупа и гдѣ приготовлено приличное угощеніе. По другому варіанту, мститель и убійца становятся близко другъ противъ друга, упираясь каждый своимъ копьемъ въ грудь другого, и въ то время какъ хлай-нивухи призываютъ ихъ къ примиренію, сородичи каждой стороны проводятъ между ними по со-

бакѣ и затѣмъ убиваютъ этихъ животныхъ копьями (кровь за кровь).

Весьма естественно, что выкупъ платится соразмѣрно состоянію убитаго и богатству рода убійцы. Это объясняетъ намъ происхожденіе старинныхъ наказаній за убійство у народовъ германскаго и славянскаго племени, у которыхъ штрафъ (вира) за убійство платился неравномѣрно, смотря по званію и состоянію убитаго. Естественно также, что ненамѣренное убійство влечетъ за собою гораздо меньше выкупа, чѣмъ намѣренное. Въ платежѣ участвуетъ весь халь убійцы, каждый по состоянію. Убійство внутри рода находитъ себѣ мстителей въ ближайшихъ родныхъ убитаго и братѣ его матери (т.-е. лицѣ чужого рода, и этотъ послѣдній получаетъ половину выкупа). Ненамѣренное убійство внутри рода у амурскихъ гиляковъ остается безъ послѣдствій.

Хлай-нивухи получаютъ въ вознагражденіе за свои труды свой парадный костюмъ, вооруженіе и собаку. Въ заключеніе о мести должно сказать, что месть у гиляковъ является обязательно-священнымъ долгомъ. И въ жизни приходится быть снисходительнымъ къ явленіямъ этого рода. Гиляки мстятъ часто, не имѣя къ этому никакого расположенія, по обязанности. Месть распространяется и на случаи доведенія кого-нибудь до самоубійства, но въ этомъ случаѣ дѣло кончается выкупомъ или нанесеніемъ имущественнаго вреда виновному.

Однимъ изъ видовъ родовой мести является война. Войны между родами, съ появленіемъ русскихъ, прекратились; но воспоминаніе о нихъ живетъ въ народной памяти, о нихъ разсказываютъ въ сказкахъ, поютъ въ пѣсняхъ. Поводами къ войнѣ чаще всего служили женщины. Похититъ гилякъ женщину, потомъ попадется въ руки сородичамъ похищенной, его убьютъ,—и поводъ къ войнѣ готовъ. И вообще обиды, нанесенныя цѣлымъ родомъ, кончались войной. Объявленіе войны не предшествовало. Разъ родъ нанесъ кровную обиду другому роду, онъ уже ждалъ нападенія во что бы то ни стало. И, дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день, все взрослое населеніе обиженнаго рода, вооруженное луками, копьями и ножами, отправлялось въ походъ, смотря по времени года, на лодкахъ или на нартахъ. Нападеніе обыкновенно совершалось ночью. Въ ожиданіи его все взрослое мужское населеніе, вооруженное, собиралось въ одну юрту. Женщины и дѣти оставались

однѣ въ другихъ юртахъ, такъ какъ, по международному праву гиляковъ, женщины, дѣти, а также имущество врага считались неприкосновенными во время войны. Въ каждой юртѣ имѣлся тайный выходъ на случай неожиданнаго нападенія. При первой тревогѣ воины выходили потайнымъ ходомъ и дѣлали гдѣ-нибудь за юртами засаду. Бой продолжался, по одному варіанту, ночь, по другимъ—дольше, но несомнѣнно, что существовалъ обычный срокъ для побоища. По минованіи положеннаго срока, непріятель удалялся, а подвергшіеся нападенію начинали считать убитыхъ. Если съ ихъ стороны пало меньше, чѣмъ у нападавшей стороны, то дѣло оставалось безъ послѣдствій; въ противномъ случаѣ, для нихъ являлась обязанность отвѣтить войной за нападеніе. Нападавшая же сторона, во всякомъ случаѣ, должна была себя считать удовлетворенной. На случай столкновенія на морѣ съ лодкой воюющей стороны, которая могла пожелать обмѣняться стрѣлами, на лодкахъ имѣлся въ носовой части подъемный брустверъ для защиты отъ непріятельскихъ стрѣлъ.

О прежнихъ воинственныхъ наклонностяхъ гиляковъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ хранимыя нынѣ, какъ драгоцѣнность, тяжелыя копья съ серебряной рѣзьбой, копья, которыя еще очень недавно служили не для одного только украшенія.

6. Родъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, весьма рѣдкихъ, усыновляетъ лицъ чужого рода. Роду всегда было выгодно имѣть какъ можно больше членовъ въ своей средѣ. Съ другой стороны, существованіе личности внѣ рода или во враждѣ со своимъ собственнымъ родомъ было вещью весьма тяжелою. Во время переписи приходилось встрѣчать нѣсколькихъ человѣкъ, которые заявляли, что весь ихъ родъ вымеръ. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ на помощь приходитъ чужой родъ съ правомъ адоптированія. Безъ сомнѣнія, во время войнъ, когда случалось, что все мужское взрослое населеніе падало въ битвѣ, женщины брались въ родъ побѣдителей въ качествѣ женъ, а дѣти мужского пола адоптировались en masse. Адоптированное лицо принимается въ одну какую-нибудь семью въ качествѣ сына или брата и этимъ самымъ зачисляется и въ родъ. Въ одномъ селеніи на сѣверѣ Сахалина мнѣ пришлось встрѣтить одно благоденствующее и многочисленное семейство, которое много лѣтъ тому назадъ было адоптировано главенствующимъ родомъ селенія. Яви-

лось оно съ Охотскаго берега, бѣдное и голодное, и просило о принятіи въ родъ селенія, что означало, вмѣстѣ съ тѣмъ, кормить его и поддержать до лучшихъ временъ. Въ настоящее время это семейство составляетъ гордость усыновившаго его рода. Но вообще случаи адоптированія рѣдки, особенно семьями, ибо этимъ ограничивается для рода число женщинъ, съ которыми вступленіе дозволительно (внутри рода бракъ запрещенъ, какъ сказано выше).

7. Родъ составляетъ юридическую единицу по отношенію къ долгамъ сородичей. Въ случаѣ несостоятельности сородича и его ближайшихъ родныхъ, родъ обязанъ принять на себя долгъ несостоятельнаго.

8. По общему правилу имущество не должно выходить изъ рода умершаго. О наслѣдованіи въ частности будемъ говорить особо. Пока скажемъ только, что у гиляковъ въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ буквально извѣстное правило XII таблицъ: „Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento“ (за неимѣніемъ близкихъ родственниковъ, родъ является наслѣдникомъ).

9. Халь регулируетъ дѣла общины. Мы уже видѣли роль его въ дѣлахъ родовой мести. Когда умираетъ гилякъ, халь-нивухи рѣшаютъ вопросъ, къ кому изъ „руэровъ“ покойнаго должны перейти его вдова и дѣти. Передъ собраніемъ сородичей умирающій гилякъ изъявляетъ свою послѣднюю волю.

Вообще, никакое чрезвычайное событіе не обходится безъ участія рода. Споры между сородичами рѣшаются не всѣми сородичами, а общепризнанными въ родѣ за уважаемыхъ, краснорѣчивыхъ и умныхъ людей (хлай-нивух). Въ случаѣ спора между лицами разныхъ халей, смѣшанное собраніе хлай-нивуховъ рѣшаетъ дѣло. Такъ, напр., рѣшаются дѣла о кражахъ у амурскихъ гиляковъ, у которыхъ такое смѣшанное собраніе налагаетъ въ такихъ случаяхъ большій или меньшій штрафъ. Старшій въ родѣ (халь-геймар) сравнительно еще недавно (одно, два поколѣнія тому назадъ) былъ общественнымъ главой, старостой рода. Его преемникомъ являлся слѣдующій за нимъ по лѣтамъ халь-геймаръ. Вмѣшательство манджуровъ и появленіе русскихъ на островѣ вызвало исчезновеніе этого института. Но халь-геймары никогда не играли роли патріарховъ съ неограниченной и наслѣдственной властью. Такой власти у гиляковъ не имѣютъ даже отцы надъ сыновьями. Въ настоящее время роль старѣйшихъ въ родѣ сво-

дится только къ руководительству религіозными обрядами, рѣшающему мнѣнію въ вопросѣ о старшинствѣ въ линіи родства и т. п. вопросахъ, гдѣ годы играютъ особенную роль для компетентности сужденія.

10. Роды бываютъ часто разсѣяны въ очень отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ. Но, раздѣлившись, сородичи продолжаютъ помнить другъ друга, ѣздятъ другъ къ другу въ гости, оказываютъ другъ другу помощь и покровительство. Скрывающійся отъ преслѣдованія мстителя гилякъ найдетъ безопасность и вооруженную защиту въ отдаленномъ селеніи сородичей. Обѣднѣетъ гилякъ или годъ выпадетъ неудачный, онъ переѣзжаетъ на-время для поправки къ сородичамъ. На западномъ берегу Сахалина рѣдко найти селеніе, въ которомъ бы все населеніе принадлежало къ одному роду: такихъ селеній всего 5—6 (Пяново, Танги, Тыки и еще два—три незначит. селенія). По большей части въ селеніи 2—3 рода. Происходитъ это отчасти оттого, что гилякъ часто бываетъ вынужденъ покидать свой родъ и переселяться, ища для себя болѣе благопріятныхъ мѣстъ въ рыболовномъ отношеніи, а переселеніе не представляетъ никакихъ затрудненій, ибо гиляки радушно принимаютъ переселенцевъ изъ чужого рода. А далѣе обычай многихъ зятьевъ переселяться въ родъ жены не мало содѣйствовалъ перемѣщенію родовъ. Послѣдній обычай, быть можетъ, остатокъ архаическаго родового быта, основаннаго на женскомъ началѣ, по которому мужья шли въ родъ жены, а не наоборотъ, какъ это дѣлается теперь; часто, по особому договору съ тестемъ, зять переселяется въ родъ перваго для совмѣстной работы съ нимъ (подробнѣе объ этомъ ниже).

11. Халь имѣетъ общее кладбище, недоступное для чужеродныхъ. Всѣмъ извѣстно, что Сахалинскіе гиляки имѣютъ обыкновеніе сожигать своихъ покойниковъ. Ко дню сожженія разсылаются приглашенія ко всѣмъ сородичамъ умершаго,и только чрезвычайное препятствіе удержитъ гиляка отъ исполненія послѣдняго долга предъ сородичемъ. Когда „живой“ огонь, добываемый въ этомъ торжественномъ случаѣ посредствомъ тренія, уничтожилъ останки покойнаго, надъ мѣстомъ, гдѣ остался пепелъ и мелкія косточки трупа, дѣлаютъ низенькій, закрытый со всѣхъ сторонъ навѣсъ, а рядомъ съ нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, дѣлаютъ крошечную юрту, лучше сказать, деревянный ящикъ въ квадратный ар-

шинъ, съ крышей. Въ этотъ ящикъ помѣщаютъ чашку и блюдечко покойнаго, трубку его, деревянную куклу, украшенія (если это была женщина) и прочія мелочи. Такимъ образомъ является цѣлый рядъ юртъ — гробницъ рода. Когда родъ живетъ въ разныхъ селеніяхъ, умершаго хоронятъ въ его селеніи. Но гдѣ бы ни умеръ гилякъ, его прахъ долженъ покоиться рядомъ съ его сородичами. Если человѣкъ умираетъ на чужбинѣ, сейчасъ же извѣщаютъ объ этомъ сородичей, которые пріѣзжаютъ и увозятъ тѣло для сожженія на родину. Если дѣло происходитъ лѣтомъ, трупъ сохраняютъ въ холодномъ мѣстѣ до зимы, когда на нартахъ его перевезутъ на родину. Но если даже гиляку приходится быть сожжену на чужбинѣ, все-таки одну косточку бережно поднимаютъ, привязываютъ къ куску дерева и отсылаютъ на родину. Тамъ надъ ней сдѣлаютъ навѣсъ и рядомъ построятъ юрту. Смерть сородича вызываетъ трауръ. Мужчины и женщины распускаютъ косу на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по близости родства и любви къ покойному. Нѣкоторые носятъ трауръ пожизненно.

Такимъ образомъ, родственныя и общественныя узы привязываютъ гиляка къ своему роду. Безъ особенной нужды гилякъ не покинетъ селенія своихъ сородичей, гробницъ своего рода. Гдѣ бы гилякъ ни разбогатѣлъ, онъ въ концѣ концовъ вернется на родину. Пишущему эти строки приходилось видѣть гиляковъ, совершенно обрусѣвшихъ, выросшихъ на службѣ у русскихъ, но которые, женившись, обзаведясь хозяйствомъ, возвращались въ селеніе своего рода. И это такъ легко сдѣлать. Гиляку нѣтъ надобности непремѣнно строить юрту, такъ какъ въ любой юртѣ его рода найдется на нарахъ 2—3 квадр. аршина для семьи сородича. Ему нѣтъ надобности даже въ лодкѣ и сѣткѣ: всегда онъ найдетъ владѣльцевъ таковыхъ, съ которыми онъ будетъ ловить рыбу на равныхъ правахъ. Неизбѣжная принадлежность каждаго гиляка къ большому родовому союзу наложила неизгладимый отпечатокъ на весь духовный складъ его, на характеръ, нравы и умственное развитіе. Эта привычка все обсуждать сообща, эта необходимость вступаться въ интересы своихъ сородичей, эта круговая порука въ дѣлахъ мести, эти общіе праздники и жертвоприношенія, эта братская связь многочисленныхъ отцовъ, братьевъ и дѣтей, наконецъ, эта необходимость и обыкновеніе жить

въ большихъ юртахъ въ сожительствѣ съ десятками себѣ подобныхъ,—необходимость, заставляющая гиляка постоянно жить на глазахъ другихъ,—все это должно было выработать характеръ соціальный, общительный, разговорчивый, серіозный и чувствительный въ дѣлахъ чести.

Войдите въ одну изъ тѣхъ большихъ зимнихъ юртъ, которыя такъ часты на сѣверѣ, войдите въ одинъ изъ такихъ муравейниковъ въ зимній вечеръ, и вы будете пріятно изумлены. Громадная юрта озаряется только пламенемъ печей, въ отдаленныхъ углахъ совершенно темно, но вы услышите солидный говоръ стариковъ, громкіе разговоры пожилыхъ, веселый смѣхъ, шутки и музыку молодежи. Здѣсь не скучаютъ...

Попробуйте вступить съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ о ихъ жизни, нравахъ и проч.,—васъ окружитъ вся юрта. Съ серіознымъ интересомъ взрослые слушаютъ и отвѣчаютъ. Взгляды дѣтей не отрываются отъ васъ. Глаза горятъ огнемъ ума и увлеченія. Вамъ отвѣчаютъ серіозно и сознательно; только внушите имъ довѣріе къ себѣ. Вы почувствуете расположеніе къ этимъ варварамъ... И никогда не застаивается, такъ сказать, здѣсь жизнь, потому что каждый день приноситъ какое-нибудь маленькое или большое событіе въ жизни селенія, каждый день приноситъ, наконецъ, новыхъ гостей съ новыми темами для разговора. Въ каждой юртѣ вы найдете много такихъ гостей, которые часто гостятъ по недѣлямъ, и хозяева за все это время кормятъ ихъ и ихъ собакъ.

Гиляки очень гостепріимны, они любятъ ѣздить въ гости и принимать гостей. Пріѣзжаютъ не только сородичи и родственники жены, но и посторонніе, просто друзья. Въ юртѣ часто живутъ люди разныхъ родовъ, къ которымъ съѣзжаются гости и сородичи со всѣхъ мѣстъ гиляцкой осѣдлости. Представьте, сколько новостей приноситъ каждый зимній день. Зима—любимая пора для разъѣздовъ. Этотъ благородный обычай гостепріимства имѣетъ еще и другую хорошую сторону. Въ черный годъ, когда не хватаетъ пищи у гиляка ни для себя, ни для собакъ и купить не на что, гилякъ не долженъ протягивать руки благодѣтелю; онъ спокойно отправляется въ гости, зная очень хорошо, что со временемъ ему отплатятъ тѣмъ же. Много гостей встрѣтите и лѣтомъ. И въ это время года гилякъ рѣдко живетъ одинъ въ юртѣ; всегда съ нимъ одна, двѣ семьи его братьевъ или другихъ

сородичей. Несмотря на долгое подчиненіе окитаившимся манджурамъ, несмотря на губительное вліяніе проходимческаго населенія Амурскаго края, гиляки и въ нравственномъ отношеніи сохраняютъ много добродѣтелей первобытныхъ племенъ. Но участь ихъ строя жизни рѣшена безповоротно. Еще одно, два поколѣнія, и гилякъ материка совершенно обрусѣетъ и, вмѣстѣ съ выгодами культуры, онъ усвоитъ и всѣ ея пороки. Нужно отдать справедливость гилякамъ: они не легко отрекаются отъ родныхъ традицій, но они поневолѣ поддаются. Они сначала негодовали и недоумѣвали, встрѣчая кругомъ обманы и эксплоатацію, но постепенно кончатъ тѣмъ, что возьмутся за то-же оружіе. Дольше всѣхъ имѣютъ шансы сохраниться сахалинскіе гиляки, какъ наиболѣе удаленные отъ центровъ осѣдлости. Но и на нихъ русское вліяніе оказываетъ свое дѣйствіе. Со всѣхъ селеній ходятъ на заработки и ѣздятъ за покупками въ Николаевскъ, и всякій гилякъ, возвращающійся съ заработковъ въ родное селеніе, приноситъ такую-же атмосферу, какую приноситъ въ русское село парень, вернувшійся съ заработковъ въ большихъ городахъ. Кромѣ того, заработки въ городахъ съ ихъ перемѣннымъ счастьемъ все больше и больше уничтожаютъ то первобытное равенство, которое составляетъ преобладающую черту несложной экономической жизни такихъ народовъ, какъ гиляки. Вмѣстѣ съ богатствомъ, нажитымъ среди новой среды, люди вносятъ и экономическіе обычаи этой среды. Но не будемъ пока заглядывать въ новыя явленія жизни гиляковъ; вернемся теперь къ ихъ еще нерасшатаннымъ пока устоямъ.

III. Религіозныя воззрѣнія.

Въ многобожіи гиляковъ господствующей чертой является антропоморфизмъ, но въ основаніи его лежитъ боготвореніе силы природы. Такъ, огонь является у нихъ божествомъ, правда, только „мало-мало божествомъ“, но всетаки таковымъ. На вопросъ, „почему?“ гилякъ отвѣчаетъ: „а безъ огня какъ жить?“ Считается грѣхомъ потушить огонь на очагѣ, даже повреждать ограду очага—грѣхъ. Въ сезонъ ловли нерпы, или когда въ юртѣ есть новорожденный, и во многихъ другихъ случаяхъ считается грѣхомъ выносить огонь изъ юрты. Огню, какъ элементу божественному, гилякъ поручаетъ тѣла умершихъ. Но въ градаціи божествъ

огонь занимаетъ далеко не первое мѣсто. Тотъ фактъ, что добываніе огня во власти человѣка, значительно умаляетъ въ глазахъ гиляка его величіе. Наконецъ, градація божествъ основана на количествѣ благодѣяній, получаемыхъ человѣкомъ отъ каждаго изъ нихъ, а море, тайга даютъ гиляку больше, чѣмъ огонь. Представляя себѣ стихіи и силы природы божественными, называя ихъ часто прямо божествами, гилякъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣритъ, что каждая стихія имѣетъ своего хозяина—*нивух*'а, который и есть богъ—„кур“. Эти нивухи не только по образу и подобію своему, но даже по одѣянію—настоящіе гиляки (припомнимъ, что „нивух“ значитъ также „гилякъ“). Это—не плодъ воображенія, „ихъ можно видѣть“. „Одинъ человѣкъ, — разсказывалъ мнѣ серіозно знакомый гилякъ, — однажды встрѣтилъ хозяина неба („кур“). Онъ ѣздилъ на нартѣ, везомой волками, но при встрѣчѣ съ гилякомъ волки повернули вверхъ и исчезли вмѣстѣ со своимъ сѣдокомъ подъ небесами“. О многихъ нивухахъ вы можете слышать, что еще недавно гилякъ такого-то селенія видѣлъ „его“ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Подобно гиляку, нивухи имѣютъ дѣтей, быть можетъ, ихъ существуютъ цѣлые роды („халь“), и, подобно гиляку, наконецъ, они смертны. Богъ тайги и горъ, хозяинъ и отецъ всѣхъ звѣрей лѣсныхъ, называется „Паль-нивух“ („паль“—гора, тайга). Къ нему относятся всѣ жертвоприношенія на праздникахъ Медвѣдя. Это онъ прикажетъ медвѣдямъ кусаться „шибко, больно“ въ случаѣ нарушенія обрядовъ праздника. Богъ моря, отецъ и хозяинъ всего живущаго въ немъ, называется „Толлес“, „Толль-нивух“ и есть едва ли не могущественнѣйшее божество гиляка; онъ же посылаетъ болѣзни и исцѣленіе. Солнце, луна, звѣзды—все это божества гиляка, и первыя два—супруги: солнце—жена, луна—мужъ, и, само собою разумѣется, на этихъ свѣтилахъ небесныхъ есть боги—хозяева. „Развѣ ты не видѣлъ“, увѣренно говорилъ мнѣ гилякъ, „нивуха на лунѣ, когда она бываетъ большая? Онъ совсѣмъ гилякъ!“

Есть у нихъ представленіе о чемъ-то въ родѣ чертей („учхаруш“). Это—цѣлый халь, обитающій въ морѣ и опасный для гиляковъ во время ловли нерпы. Они разъѣзжаютъ на лодкахъ, и когда завидятъ лодку съ гиляками, бьющими нерпу, то громко вопрошаютъ: „что вы тутъ дѣлаете?“ Горе, если гиляки отвѣтятъ, что бьютъ нерпу: лодка въ такомъ случаѣ погибла; но если

въ отвѣтъ гиляки показываютъ заячій хвостъ, чертъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій удаляется во-свояси.

Ясно, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ гилякъ ко всѣмъ своимъ богамъ—нивухамъ. Это они даютъ ему соболей, лисицъ, медвѣдей, рыбу, нерпъ и пр. Соболи или медвѣди—это такая же собственность Паль-нивуха, или рыба и нерпа такая же собственность Толль-нивуха, какъ нартовыя собаки—гиляка. Изъ этой своей собственности боги спеціально удѣляютъ пай человѣку. Не даромъ рыба является съ такою удивительною правильностью въ соотвѣтственные сезоны, не даромъ соболь одѣвается въ дорогую шубу въ сезонъ охоты, не даромъ лебеди, гуси, утки теряютъ лѣтомъ перо и становятся легкой добычей гиляка. Все это боги дѣлаютъ для человѣка; дарами боговъ только и живетъ онъ. Понятно, что гиляки не должны оставаться въ долгу передъ своими благодѣтелями. И вотъ они даютъ пай богамъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они сами пользуются: саранкой, кореньями, табакомъ, сахаромъ и пр. Когда я выразилъ однажды желаніе участвовать въ жертвоприношеніи Толль-нивуху въ началѣ сезона нерпы, меня спросили: „а ты дашь богу хлѣба, картошки и пр.?“ Жертвоприношенія—это обмѣнъ паями съ нивухами. Вотъ почему никогда жертва не можетъ состоять изъ тѣхъ же самыхъ предметовъ, за которые жертва приносится; напр., среди блюдъ, приносимыхъ въ благодарность за нерпу, послѣдняя не фигурируетъ, хотя она составляетъ непремѣнное блюдо самихъ гиляковъ въ вечеръ жертвоприношенія. Такимъ образомъ, медвѣдь на извѣстномъ праздникѣ—совсѣмъ не жертва, какъ нѣкоторые думаютъ, ибо ни одинъ кусокъ его мяса не удѣляется богу, а гилякъ не понимаетъ аллегоріи: приносить жертву—значитъ давать богу нѣчто реальное. И, дѣйствительно, на этомъ праздникѣ хозяину медвѣдя, Паль-нивуху, даютъ жертву саранкой, „моссомъ“, юколой и проч. яствами. Не противорѣчитъ принцицу обмѣна въ жертвоприношеніяхъ тотъ фактъ, что гиляки даютъ „хозяину моря“ кости рыбы, голову, глаза нерпы. Дѣло объясняется очень просто: мясо богъ даетъ человѣку, а кости возвращаются, какъ творческій элементъ будущихъ рыбъ и нерпъ. На томъ же основаніи гилякъ бережно закапываетъ въ прибрежномъ пескѣ глаза и недозрѣлый плодъ, найденный въ чревѣ нерпы. Для гиляка жертвоприношеніе—не обрядъ, не рутина, а серіозное дѣло, отъ котораго зависитъ его

благополучіе. Кромѣ торжественнаго жертвоприношенія по случаю открытія сезона нерпы, гилякъ съ особенною торжественностью даритъ своего бога въ началѣ сезона соболемъ. Эту жертву онъ приноситъ среди тайги одинъ у того самаго балаганчика, который служитъ ему ночлегомъ все время, пока онъ караулитъ свои петли и западни. Кромѣ обычныхъ своихъ даровъ въ этомъ случаѣ онъ иногда приноситъ въ жертву собаку. Поразивъ жертвенное животное въ сердце, онъ кровь отдаетъ богу, а мясо съѣстъ за торжественной трапезой съ родными. А вообще онъ даритъ своихъ боговъ часто, хотя и по-немножку, разсчитывая, что для бога такъ-же мало значитъ сотня рыбы, какъ для него пригоршни рису или саранки. Трогательны бываютъ жертвоприношенія въ дорогѣ. Помню, во время путешествія на сѣверъ Сахалина мы однажды какъ-то незамѣтнымъ образомъ поднялись на вершину хребта, и вдругъ передъ нами раскрылась волшебная панорама горъ. „Голова земли“ величественно высилась передъ нами. Мои спутники гиляки были растроганы. Одинъ изъ нихъ досталъ изъ нарты завѣтный мѣшечекъ съ саранкой, табакомъ, сладкими кореньями и проч., отошелъ отъ насъ шаговъ на 30 вправо, присѣлъ на корточки, закопалъ въ снѣгъ по пригоршнѣ и долго повторялъ свою молитву. Поднявшись, онъ отошелъ на столько-же шаговъ влѣво и продѣлалъ то-же самое. Потомъ, съ умиленнымъ лицомъ, онъ вернулся къ намъ и роздалъ остатки жертвоприношенія. Это онъ молился о ниспосланіи намъ счастливаго пути. И онъ могъ потомъ хвалиться, что его молитвы были услышаны... Есть огромное различіе между религіознымъ настроеніемъ гиляка и религіознымъ настроеніемъ не только христіанина, еврея, мусульманина, но и буддиста. „Сокрушеніе сердца“, стремленіе души къ божеству въ нашемъ смыслѣ—все это для гиляка непонятныя, кажется, вещи. Для него въ религіи все просто и ясно: ни сомнѣній, ни страданій. Ему непонятенъ религіозный экстазъ. Шаманизмъ съ его экстазами, мнѣ кажется, заимствованное явленіе. Онъ не вяжется съ религіознымъ складомъ гиляка. Правда, онъ вѣритъ шаману, поручаетъ ему лѣченіе своихъ больныхъ, питаетъ къ нему суевѣрный страхъ, вѣритъ въ его предсказанія, въ силу его колдовства, напр., что шаманъ можетъ убить любого человѣка, какъ бы далеко послѣдній ни находился отъ него (такимъ образомъ, будто-бы рыковскій шаманъ убилъ

николаевскаго, подстрѣливъ вмѣсто него пролетѣвшую мимо птицу); но не шаманизмомъ характеризуются религіозныя воззрѣнія гиляка. Будетъ, быть можетъ, умѣстно мимоходомъ замѣтить, что шаманы приносятъ много вреда своимъ поклонникамъ. При неудачныхъ исходахъ ихъ лѣченій они часто сваливаютъ вину на ни въ чемъ неповинныхъ людей, на которыхъ, въ случаѣ смерти паціента, обрушиваются насилія и жестокія преслѣдованія. Равнымъ образомъ, внушая своимъ паціентамъ, что ихъ болѣзни происходятъ отъ вселенія въ нихъ бѣса, они прививаютъ къ здоровымъ въ нервномъ отношеніи людямъ серіозныя психическія болѣзни. Характерны молитвы гиляковъ, простыя, ясныя, какъ и ихъ вѣрованія. „Кур, піонгухіа!“ (О, Боже, пожалуйста!)—вотъ чѣмъ ограничивается гилякъ, обращаясь за чѣмъ-нибудь къ своему богу.

Есть у гиляковъ смутное представленіе, скорѣе ощущеніе, о верховномъ единомъ божествѣ, отцѣ всѣхъ людей и всего существующаго, но оно для него именно смутное ощущеніе, котораго онъ и не формулируетъ. Боги имѣютъ отношеніе не только къ матеріальной жизни человѣка, но и къ нравственной. Нравственные принципы общежитія, помощь ближнимъ, уваженіе къ жизни и имуществу другого пользуются божественной санкціей. Нарушеніе ихъ влечетъ за собою наказаніе въ этой жизни (болѣзни, преждевременная смерть) и въ будущей. Пришлось мнѣ слышать отъ одного гиляка такое утвержденіе: „если богатый обидитъ бѣднаго, это большой грѣхъ; но если бѣдный обидитъ (въ смыслѣ матеріальномъ: возьметъ и не отдастъ, обманетъ его и т. п.), это не грѣхъ!“ Такое утвержденіе тѣмъ болѣе странно мнѣ было слышать, что передававшій мнѣ это гилякъ самъ очень богатый человѣкъ и большой кулакъ, не отступающій ни передъ какими насиліями надъ бѣдными. Не берусь судить, насколько такое болѣе чѣмъ альтруистическое воззрѣніе есть дѣйствительное воззрѣніе гиляковъ, или оно навѣяно вліяніемъ русскихъ, или просто лицемѣріемъ. Во всякомъ случаѣ это характерно. Есть, такимъ образомъ, у гиляковъ ясное представленіе о грѣхѣ („умгыш“). Само-собою разумѣется, что такія вещи, какъ кража, убійство—грѣхъ, но, конечно, есть много поступковъ, съ нашей точки зрѣнія совершенно безразличныхъ, которые считаются гиляками за грѣхи, напр.: топить нерпичій жиръ на огнѣ, а не на солнцѣ—грѣхъ, и вообще, отступленіе отъ старыхъ пріемовъ является